

ПРОБЛЕМА МУХАДЖИРСТВА ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: 10.25629/НС.2019.09.04

Бозкурт Угур

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется изучение проблемы мухаджирства российских горцев Северного Кавказа после Кавказской войны в Османскую империю. Автор приходит к выводу, что в фокусе внимания российской историографии в основном находилось мухаджирство третьей четверти XIX в. В статье показывается, как на изучение этой проблемы влияла политическая конъюнктура, какие проблемы мухаджирства привлекали внимание историков, а какие, напротив, игнорировались. Автор доказывает существование двух волн политизации проблемы. Первая волна имела место после окончания Великой Отечественной войны, а вторая – в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Автор прослеживает эволюцию исследовательских подходов и динамику оценок феномена мухаджирства. Особое внимание в статье уделяется последним по времени работам российских ученых. Рассматриваются вопросы, которые в настоящее время более всего интересуют российских историков. Делается вывод о том, какие проблемы мухаджирства еще не получили в российской историографии должного освещения.

Ключевые слова: мухаджирство, Северный Кавказ, Кавказская война, Османская империя, российская историография.

Введение

Феномен мухаджирства представляет собой переселение мусульман из немусульманских стран в страну, где ислам является господствующей религией. То есть этот процесс изначально имеет религиозно-политическую окраску. Применительно к истории России мухаджирство как массовое явление имело место во второй половине XIX – начале XX в., когда северокавказские горцы после завершения Кавказской войны стали переселяться в Османскую империю. Изучение северокавказского мухаджирства продолжается на протяжении почти полутора веков – оно началось практически синхронно с самим процессом переселения горцев в Турцию. Это изучение несколько раз претерпевало определенные корректировки, вызванные не столько сугубо академическими причинами (введением в научный оборот новых источников или знакомством с зарубежной историографией), сколько причинами политическими.

История проблемы

Начало историографии северокавказского мухаджирства было положено А.П. Берже в его работе «Выселение горцев с Кавказа». Автор рассматривал причины переселения горцев в Турцию и сопоставлял соотношение вынужденных (внешних) и собственных (внутренних) факторов, предопределивших это массовое передвижение с занятых Россией земель. Исследователь оценивал роль Петербурга и Порты в провоцировании мухаджирства, взвешивал положительные и отрицательные последствия переселения горцев для обеих империй. Следует подчеркнуть, что хотя труд А.П. Берже и предопределил практически на все последующее время основной проблемный комплекс изучения северокавказского мухаджирства (с ним спорили и до сих пор продолжают спорить, сомневаться в приведенных историком оценках), он до сих пор остается недоисследованным и нуждается, по крайней мере, в комментированном академическом переиздании [1].

В советское время одним из первых к проблематике мухаджирства российских мусульман в Османскую империю обратился Г.А. Дзагуров, который издал сборник исторических документов на эту тему. В предисловии к сборнику он изложил свои взгляды на вопросы переселения горцев в Турцию, которые во многом задали на долгое время концептуальное объяснение

феномена дореволюционного мухаджирства в советской историографии. Автор выводит причину переселения из «завоевательной политики» самодержавия, которая не оставляла горцам иного шанса сохранения собственной национально-культурной идентичности, кроме переселения в Османскую империю. По его словам, присоединение к России Северного Кавказа привело к «глубокому хозяйственному потрясению» в жизни горцев, поэтому «переселение вызывалось глубокими экономическими причинами». Опасаясь восстаний горцев, русская власть прибегла к своеобразному способу, который представлялся ей гарантией от возможных волнений присоединенных народов: на исконные горские земли стали переселяться казаки. Это неизбежно приводило к оттеснению горцев с тех земель, которые традиционно находились в их хозяйственном использовании. Более того, чтобы облегчить заселение горских земель казаками и освободить их от «взрывоопасного» местного населения, местная имперская администрация стала пропагандировать среди горцев мысль о том, что им необходимо переселиться в Османскую империю, и вести соответствующие переговоры с Портой. То есть собственно мухаджирского – а именно, религиозного – содержания в переселенческом движении российских горцев публикатор документов не усматривал [2].

Если Г.А. Дзагуров изучал переселение в Турцию всех горцев Северного Кавказа – разумеется, выделяя отдельные национальности, но вместе с тем не ставя анализ этого явления в зависимость от специфики мухаджирства для каждого народа в отдельности, – то после Великой Отечественной войны фокусировка взгляда исследователей изменилась: они стали разбирать этот процесс применительно к конкретным северокавказским этносам. Так, М.С. Тотоев посвятил свою работу переселению в Османскую империю кабардинцев. (Примечательно, что вплоть до постсоветского времени сохранялась практика, когда ученые, занимаясь историей конкретного северокавказского народа, распространяли свои выводы на весь регион в целом и говорили о мухаджирстве горцев как единого сообщества).

Но главное изменение историографического ракурса заключалось даже не в подобной диверсификации подхода. В отличие от середины 1920-х гг., когда в большевистской идеологии преобладали наднациональные ориентиры, в послевоенном Советском Союзе утвердилась фактически неоимперская идеология. Отсюда и кардинальная перемена оценок: в то время как Г.А. Дзагуров обвинял самодержавный режим в том, что горцы после Кавказской войны были вынуждены сняться с родных мест и переселиться в пусть и единоверную, но все же чужую Османскую империю, то спустя чуть более 20 лет после выхода его сборника причины мухаджирства виделись советским историкам в несколько ином свете.

В этом смысле показательна эволюция взглядов М.С. Тотоева: по его работам второй половины 1940-х гг. можно наглядно проследить, как утверждался этот новый неоимперский взгляд на мухаджирство горцев.

В исследовании, посвященном переселению в Турцию осетин, он называл мухаджирство «всекавказским злосчастьем» и «трагедией для горцев», ставя при этом следующие вопросы: «...что толкало горцев в пределы Оттоманской империи? Что было общего между горцами и Турцией, что способствовало переселению горцев именно в Турцию, а не в какое-нибудь другое государство? Была ли на самом деле Турция “обетованной” землей? Какой она была в представлении горцев?» [3, с. 24]. Ответы на них пока не выглядели чем-то принципиально отличным от позиции Г.А. Дзагурова. Историк формулировал четыре причины, толкавшие осетин на мухаджирство. Во-первых, «глубокая ненависть к самодержавно-деспотическому строю, острое недовольство установившимся над покоренными трудовыми горскими массами военно-колониальным режимом, протест против насилий и беззаконий». Во-вторых, «исключительно безземелье и малоземелье горцев». В-третьих, «обремененность многочисленными и непосильными податями и повинностями, которые ложились на горцев тяжелым бременем». В-четвертых, «продолжавшаяся колонизация земель горских народов кулацко-казачьими элементами». Указанные четыре причины активизировали «различных туркофилов и обанкротившихся элементов из социальных верхов, которые, пользуясь благоприятной обстановкой, вели в корыстных целях агитацию за переселение в Турцию» [3, с. 46].

Иными словами, приведенные выводы указывают на весьма незначительное расхождение концепций Г.А. Дзагурова и М.С. Тотоева: получалось, что добавления последнего сводились разве что к более подробному проговариванию в общем-то тех же самых мыслей, которые изложил составитель сборника 1925 г. Однако существенным новшеством М.С. Тотоева можно назвать подробный разбор причин, обусловивших выгодность мухаджирства для Османской империи. Среди них – необходимость колонизации «пустых и малонаселенных земель империи», возможность использовать горцев в «военных целях, расположив их на стратегически важных пунктах», удобный шанс увеличить за счет выхождения из России «удельный вес мусульман среди угнетенных христианских народов», нежелание отказывать мусульманам из России в убежище, дабы избежать возможных упреков со стороны мусульман мира [3, с. 37]. На руку Турции работала и царская администрация, выдавливая горцев как «взрывоопасный» элемент за пределы Российской империи [3, с. 37].

Вместе с тем важным маркером наметившегося историографического сдвига явилась констатация автором «положительного значения» факта вхождения горцев в состав России для них самих, поскольку тем самым происходило их вращение в «более передовую страну, под влиянием которой ускорился процесс капиталистического развития, разрушались старые патриархальные формы общественной жизни» [3, с. 45]. Со временем для масс горцев вскрылся обман со стороны «различных туркофилов, главным образом состоятельных людей и мулл» [3, с. 44], которые провоцировали горцев на мухаджирство, и поддавшиеся на уговоры и покинувшие родину представители простого народа «стали массами добиваться обратного возвращения в пределы России». Это лишний раз свидетельствовало о том, что Россия являлась «более передовой, прогрессивной страной» по сравнению с Турцией [3, с. 45].

В статье, изданной всего лишь через год, М.С. Тотоев делал еще более резкие и политизированные выводы. Он усматривал главную причину мухаджирства кабардинцев в действиях «турецких агентов-туркофилов, особенно мулл», которые подталкивали горцев видеть «спасение» в Турции и считать ее своего рода «меньшим злом» по сравнению с Россией. Делая оговорку, что мухаджирством были охвачены «все горцы Северного Кавказа», он фокусируется на кабардинцах. Безусловно, нельзя сказать, что М.С. Тотоев игнорировал социально-экономические факторы переселения кабардинцев в Турцию: он ставил их на первое место как нечто, не подлежащее сомнению, но вместе с тем называл и иные причины мухаджирства этого народа. Например, помимо упомянутого внешнего воздействия «турецких агентов-туркофилов», он писал и о такой значимой причине, обусловившей переселение кабардинцев, как предшествовавший этому уход в Османскую империю «единоплеменников-черкесов» [4, с. 70]. Разумеется, автор не забывал упомянуть и политику самодержавия, которое было заинтересовано в «очищении края от беспокойных элементов» [4, с. 80]. В свою очередь, и турецкое правительство было заинтересовано в мухаджирах из России. Оно рассчитывало «колонизировать кавказскими переселенцами пустые или малонаселенные земли», а также использовать эмигрантов из России как вооруженную силу для защиты своих рубежей [4, с. 81].

Важное новое наблюдение автора заключалось в том, что с середины 1860-х гг. царское правительство стало расценивать мухаджирство прямо противоположным образом: во-первых, потому что значительные площади северокавказских земель были уже очищены для переселявшегося туда казачества, а во-вторых, вследствие набравшего силу процесса репатриации горцев, которые не нашли в Турции чаемой жизни и пожелали вернуться обратно, создавая тем самым немалые проблемы для администрации на Кавказе. Однако четкого изменения в политике Петербурга в отношении переселения горцев в Турцию все же не произошло: с одной стороны, оно увидело невыгодные для себя стороны мухаджирства, но с другой стороны, не думало его останавливать [4, с. 84]. Историк делал вывод, что в итоге горцы перестали рассматривать Османскую империю как «меньшее зло» и на любых условиях – вплоть до принятия христианства и переселения в Сибирь – соглашались на репатриацию [4, с. 96–97].

Следующей вехой рассмотрения мухаджирства в российской историографии можно назвать статью Х.О. Лайпанова. Он подробно исследовал причины мухаджирства, возникшего после завершения Кавказской войны. Историк выводил их из общей ситуации в Российской

империи, в которой на рубеже 1850–1860-х гг. имела место «революционная ситуация», а затем набрало силу народничество. Все это вынудило царизм «скорее покончить с Кавказом и бросить все силы против внутренних классовых врагов» [5, с. 111]. Отсюда проистекала и общая позиция, объединявшая «царское правительство и господствующие классы России, в том числе и горскую знать», – стимулировать переселение в Османскую империю «трудящихся горцев» [5, с. 111–112].

Любопытно авторское суждение, что мухаджирство поддерживали оба течения «горской знати» – ориентировавшиеся на Россию и связывавшие свои планы с Турцией. Если последние мотивировались пантюркизмом, то первые руководствовались двумя мнениями: поскольку переселение поддерживало и самодержавие, а также по причине получения в свое распоряжение «земель ушедших в Турцию трудящихся» [5, с. 112]. «Реакционная часть горских феодалов» была за переселение своих соотечественников в Турцию еще и потому, что «выступала против крестьянской реформы» [5, с. 113]. (О логике и обоснованности последнего утверждения можно только догадываться). В то же время существовала и еще одна группа северокавказской знати, которая противодействовала мухаджирству, поскольку ее представители из-за переселения «теряли даровую рабочую силу» [5, с. 112]. При этом без ссылок на источники и противореча приведенному выше собственному же мнению историк делает довольно сильное заключение, что верховная власть выполняла волю именно последних: «под давлением» противников мухаджирства Петербург «ограничил выезд крепостных крестьян в Турцию» [5, с. 112–113].

Важными, но приводимыми вскользь, без надлежащего пояснения и необходимой отсылки к источникам являются три заключения автора: «некоторую роль» в мухаджирстве «сыграли и остатки родоплеменных отношений», в Турцию переселялись те из «туркофилов», которые вынашивали идею с помощью Османской империи сделать Северный Кавказ турецкой «провинцией», наконец, «религиозная общность» турок и горцев, конечно, сыграла свою роль, но также – всего лишь «некоторую» [5, с. 117].

Серьезной вехой в изучении переселения горцев в Турцию после завершения Кавказской войны стала обширная монография Г.А. Дзидзарии. Ее главным достоинством является своего рода «распаковывание» на обширном фактическом материале тех утверждений, которые в предыдущей историографии давались тезисно и без надлежащих доказательств, построенных на источниковой базе. В качестве примеров можно привести приводимые автором данные о заселении горских земель казаками, о способах турецкой агитации за переезд в Османскую империю, а также о связываемых с мухаджирством интересах Порты. Утверждение о сложной и, по крайней мере, противоречивой и непоследовательной позиции горской знати в отношении переселения наполняется в книге многочисленными свидетельствами и перестают выглядеть схематично. В книге впервые в российской историографии приводится обстоятельная периодизация мухаджирства. Историк внимательно исследует и такой феномен, как насильственное переселение жителей Абхазии в Османскую империю в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Подробно разбирается в монографии и деятельность «туркофильствующих абхазских князей и дворян» [6, с. 369]. Приводятся данные о гибкой политике турецких властей, проводивших политику двойных стандартов в отношении знатных и простых переселенцев. Наконец, подробно систематизируются свидетельства о репатриации горцев. Пожалуй, единственным недостатком монографии можно назвать практическое отсутствие в ней внимания к религиозной подоплеке мухаджирства. Понятно, что внимание к религиозной составляющей общественных процессов в то время либо замалчивалось, либо искажалось в исторической науке, но вместе с тем пути обхода такого «запрета» все же существовали, и Г.А. Дзидзария ими не воспользовался. Вызывает вопрос и отличное от принятого написание им самого термина «мухаджирство». Последнее может быть расценено как малозначащая деталь, но в любом случае историку следовало бы объяснить причину отказа от распространенной в русском языке орфографии. (Ниже будут упомянуты работы, авторы которых используют такое же написание этого термина).

Новый этап изучения мухаджирства российскими историками наступил в конце эпохи перестройки и особенно ярко проявился в первой половине 1990-х гг. Прекращение идеологического контроля со стороны коммунистического режима, казалось бы, должно было привести к более взвешенному и объективному подходу к исследованию мухаджирства, в том числе и на новых источниках, которые ранее были недоступны историкам по идеологическим причинам. Но произошло прямо противоположное: в историографии возникла новая идеологизированность – на этот раз построенная на гипертрофированной и абсолютно неисторичной критике самодержавного режима.

С этой точки зрения примечателен сборник материалов Всесоюзной научно-практической конференции, проведенной в Нальчике в октябре 1990 г. На ней было представлено несколько докладов, представлявших собой попытку подобной новой политизации проблемы.

Характерный пример такого подхода представлен в статье Т.Х. Кумыкова. Вопреки названию статьи, в котором говорится о «горских народах» в целом, автор разбирает исключительно адыгское мухаджирство. Заявляя о своем намерении «дать трезвый анализ исторической обстановке на Кавказе» во второй половине XIX в. [7, с. 15], историк тем не менее – в полном соответствии с поздней советской и ранней постсоветской историографией – фактически сводит свое исследование к «нериторическому вопросу», которым завешается работа: «...кто и в какой форме должен компенсировать огромные невосполнимые людские, материальные, территориальные потери, культурные и другие ценности адыгов, утраченные ими в результате царского геноцида?» [7, с. 27]. Во-первых, тезис о геноциде адыгов самодержавным режимом нуждается в фундаментальном обосновании, поскольку в Российской империи на всем протяжении ее существования подобная политика просто не практиковалась. Во-вторых, такое завершение статьи сразу же отбрасывало изучение проблемы мухаджирства далеко в прошлое, поскольку, начиная уже с послевоенного времени в Советском Союзе исследователи говорили не только о царской администрации как субъекте, подталкивавшем переселение в Турцию, но и о собственных горских элитах, а также о турецкой политике в этом направлении.

Однако складывается впечатление, что процитированная концовка должна была придать тексту определенную общественно-политическую заостренность и при этом мало вязалась с его основным содержанием, которое выглядит вполне фундированным. В частности, обращает на себя внимание важнейшее наблюдение автора, что мухаджирству способствовали и «многочисленные пережитки патриархально-родового быта», которые оказывались «благодатной почвой для распространения идеи переселения со стороны части феодально-старшинской верхушки» [7, с. 16–17]. Значимым новшеством статьи является и прослеживание неординарного характера мухаджирства в разных регионах Северного Кавказа. (Следует отметить, что, делая такие обобщения, автор снова выходит за пределы исключительно адыгской проблематики и возвращается к заявленной в названии статьи постановке проблемы). Еще одним существенным достоинством статьи является тезис – правда, приводимый без отсылки к источникам, – что мухаджирство и народно-освободительную борьбу на Северном Кавказе надлежит оценивать в качестве «единого процесса» [7, с. 24].

Вместе с тем все эти ценные новоприобретения значительно обесцениваются обильным использованием автором слова «геноцид», которым он характеризует политику Петербурга в отношении адыгов.

Слово «геноцид» в привязке к изучению мухаджирства многократно употребляется и в статье Г.Х. Мамбетова, причем даже в явно преувеличенной форме. Так, автор без каких бы то ни было ссылок на источники утверждает: «насильственное массовое изгнание адыгов и абхазов в Турцию» стало «итогом русско-кавказской войны» (данный неологизм историк использует без всякого пояснения и обоснования), «в результате чего погибло около половины переселенцев, а некоторые народы вовсе были стерты с карты Кавказа» [8, с. 39]. Историк утверждает, то в дореволюционной и советской историографии тема подверглась жесткому цензурированию. Складывается впечатление, что история мухаджирства и ее освещение в исследованиях являются для автора второстепенными проблемами по сравнению с ключевой для него задачей – обоснованием «насильственного выселения» местного населения в Турцию и «геноцида»

горцев [8, с. 40]. Под «буржуазной историографией» автор подразумевает дореволюционные исследования, которые он рассматривает. Большое внимание в работе уделяется труду А.П. Берже. В этом смысле статья представляет интерес – она является хорошим справочником по досоветским работам, в которых освещается переселение в Османскую империю горцев Северного Кавказа. Хотя, разумеется, ее тональность и явная предвзятость мешают объективному и содержательному разбору этих публикаций.

М.Х. Шебзухов, как и Т.Х. Кумыков, заявляя в названии статьи проблематику мухаджирства в целом, на самом деле рассматривает переселение в Османскую империю только лишь адыгов. Эта статья также несвободна от определенной предвзятости. Так, называя «борьбу за независимость народов Северного Кавказа в XIX в. против царской России» «многослойным процессом», в котором переплетались «интересы ряда государств, в частности царской России, Турции, Англии, и, естественно, интересы борющихся за свою независимость народов», историк тем не менее призывает не выводить из подобной «многослойности» «многочисленность» переселения в Турцию горцев. По его мнению, «из многослойности этого процесса должна вытекать одна причина, способствовавшая выселению адыгов в Турцию, – это жестокая захватническая война царской России против адыгов», а значит, «традиционные ярлыки, которые навешивались некоторыми историками на Англию, Турцию, должны быть сняты» [9, с. 149].

С.Х. Хотко предпринимает попытку пересмотреть роль горского мусульманского духовенства в истории переселения в Османскую империю адыгов. Автор считает, что устоявшийся в исторических исследованиях «тезис об агитации к выселению в Турцию», которая велась религиозными лидерами горцев, «раздут» «до размеров всеобъясняющего мифа». Также историк призывает более тщательно изучить вопрос, что помогло «совершенно незначительной» части мусульманского духовенства горцев, подкупленной агентами Турции и России, поспособствовать реализации планов «заказчиков» [10, с. 232]. Поскольку статья не имеет научного аппарата, ее можно считать исключительно установочной. В этом смысле она представляет интерес для последующих исследований проблемы.

Вместе с тем на этой конференции были представлены доклады и совершенно иного уровня, авторы которых использовали новую общественно-политическую реальность постсоветской России не для выстраивания очередных конъюнктурных схем, но в целях более основательного и всестороннего погружения в тему мухаджирства.

Например, в статье Б.Н. Березгова история мухаджирства XIX – начала XX в. не является главной темой, автор сосредоточен на выяснении последствий этого феномена главным образом для черкесов. Вместе с тем он затрагивает и начальный этап этого процесса. В работе систематизируются сведения о количестве переселенных в Турцию черкесов. Достоинством исследования является проведенная автором контекстуализация черкесского мухаджирства в историю Турции, рассматривается влияние на этот процесс Младотурецкой революции, разбираются труды зарубежных и в том числе турецких историков. Это позволило автору уточнить некоторые факты из истории переселенческого движения начального периода, например, о согласованности действий российской и турецкой сторон в отношении расселения черкесов в Османской империи [11, с. 77] или о злоупотреблениях турецкой администрации при адаптации новоприобретенного населения [11, с. 79]. Широкое привлечение трудов зарубежных исследователей дало возможность историку уточнить некоторые представления, которые проговаривались ранее в советской историографии, в частности, об использовании Портой черкесов в «агрессивных планах» по поддержанию стабильности в «горячих точках империи» [11, с. 79].

Перечисляя причины, побудившие горцев переселяться в Османскую империю, С.А. Чекменев повторяет суждения, оформившиеся еще в советской историографии. Среди них он называет намерение «феодалных верхов и мусульманского духовенства» «удержать» контроль над разоренным Кавказской войной горским населением, обоюдную заинтересованность в мухаджирстве самодержавия и «протурецки настроенных элементов из числа феодалных верхов и духовенства», потребность Турции в прошлом мусульманском населении, которое могло бы уравновесить балканских славян, а также деятельность «многочисленность турецких агентов, мусульманского духовенства и всех антирусских элементов, которых оставалось в то

время на Кавказе довольно много» [12, с. 181–182]. Определенную новизну представляют собой приводимые автором сведения о репатриации разочаровавшихся в Османской империи горцев и о противодействии этому процессу со стороны «центральных и местных властей» России [12, с. 190–191].

Доклад А.П. Пронштейна и В.Ф. Патраковой представляется наиболее взвешенным и объективным для непростого времени заката советской исторической науки. Несмотря на свой историографический характер, отраженный в названии, он, скорее, представляется попыткой задать новую методологию изучения переселения горцев в Турцию. Констатируя, что мухаджирство явилось «крупнейшей демографической катастрофой», отмечая влияние на изучение этого процесса «тотальной идеологизации и политизации» советского общества, авторы тем не менее указывают на плотную зависимость оценок данного феномена от динамики представлений о «русско-кавказских отношениях», которые существовали не только в идеологии, но и в исторической науке [13, с. 123]. Именно в таком ракурсе в статье рассматриваются советские работы о переселении горцев в Османскую империю.

Но наиболее интересным аспектом публикации можно назвать указания авторов на перспективные, с их точки зрения, направления дальнейших исследований феномена северокавказского мухаджирства. Например, по мнению историков, «в политике великих держав во второй половине XIX в. просматривается попытка разрешить реальные обострившиеся противоречия вошедших в тесный контакт народов, носителей различных культур и религий (что вело к новым обострениям восточного вопроса), традиционными имперскими средствами – массовым насильственным переселением народов». Поэтому «нуждается в специальном монографическом исследовании вопрос о существовавшем на рубеже 50–60-х гг. XIX в. плане взаимного переселения горцев Кавказа в Османскую империю, а на их земли славян и других христианских народов из Турции». Исследователи подчеркивают, что, хотя этому плану и не суждено было реализоваться, тем не менее симптоматично, что проекты, а также отчасти реализация размещения в Турции переселенных горцев «явно перекликаются с опытом создания царизмом кавказских линий и казачьей колонизации Северного Кавказа» [13, с. 128].

Несмотря на то что тема истории северокавказских народов в составе Российской империи оказалась в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. чрезвычайно политизированной в историографии, в это время появлялись и другие работы, в которых эти острые вопросы рассматривались объективно и исключительно научно.

В качестве примера такого исследования можно привести статью А.Н. Багова, в которой разбираются демографические последствия мухаджирства. Автор провел подсчеты, благодаря которым смог выяснить, какие этнические группы в составе адыгского народа более всего понесли потери или вовсе утратили свою идентичность [14].

Серьезной заявкой и хорошим заделом на обстоятельное монографическое исследование стала статья «Исторические судьбы адыгских мухаджиров на Балканском полуострове». Ее авторы взялись за разбор проблемы, которая уже давно формулировалась в российской историографии, но существовала именно лишь в виде тезиса, который воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Эта проблема – использование турецкими властями северокавказских мухаджиров для «разбавления» компактно проживавшего христианского населения на Балканах. Авторы подходят к данной проблеме комплексно. Они оценивают географический ареал расселения горских мухаджиров на Балканах, а также их численность, анализируют имевшиеся на них виды со стороны Порты, реконструируют «“имидж” черкеса-переселенца, сложившийся у христианского населения полуострова», прослеживают взаимосвязь переселения горцев на Балканы с переездом болгар в Российскую империю [15, с. 332].

В XXI в. изучение северокавказского мухаджирства вышло на новый уровень – расширилась источниковая база исследований, были поставлены и во многом решены новые проблемы, а главное, существенно снизилась политизированность новых работ.

Так, анализируя карачаево-балкарскую диаспору, которая существует в Турции, З.Б. Кипкеева говорит о двух волнах миграции представителей этих народов. Первая была в середине

– второй половине 1880-х гг., а вторая – в начале XX в. Такая фокусировка исследовательского интереса уже сама по себе представляет собой новый шаг в изучении темы, поскольку прежде историки занимались мухаджирством преимущественно третьей четверти XIX в. [16].

Важные наблюдения содержатся в коллективной монографии «Северный Кавказ в составе Российской империи». В частности, авторы обращают внимание на дискурсивное различие в обозначении одного и того же процесса: «Если понятие мухаджирства сложилось среди оказавшихся в лагере побежденных мусульман-переселенцев, то термин *колонизация* взят из словаря их противников, русских политиков и военных, победивших в Кавказской войне» [17, с. 157]. Указанная дискурсивная специфика, а также смысловое пересечения термина «колонизация» с понятием «внутренней колонизации», под которой понимался приход на Северный Кавказ казаков и иных русских переселенцев, обусловили сложность и запутанный характер осмысления этого процесса и его понимания как современниками, так и впоследствии историками.

Рассматривая причины мухаджирства, авторы констатируют их неодинаковый характер для разных регионов Северного Кавказа, однако выводят при этом и общие закономерности. Например, главными причинами этого феномена называется «насильственный гонимый» горцев с привычных мест их проживания, а также «растущее разорение знати и обезземеливание горцев» [17, с. 164]. Важный вывод работы заключается в утверждении, что «мухаджирство стало частью продолжавшегося русско-турецкого соперничества на Ближнем Востоке, осложненного к тому же действиями пытавшихся ослабить Россию западных держав» [17, с. 165].

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день перспективными представляются следующие направления изучения северокавказского мухаджирства. Во-первых, рассмотрение его позднего этапа, относящегося ко времени правления султана Абдула-Хамида II (1876–1909 гг.). Во-вторых, прослеживание различий мухаджирства у разных народов Северного Кавказа. В-третьих, анализ взаимосвязи религиозного фактора переселения с остальными причинами перемещения горцев на территорию Османской империи. В-четвертых, изучение экономических факторов миграции – как побудивших жителей северного Кавказа покинуть их родные места, так и новых реалий, в которых они оказались в Турции.

Литература

1. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1882. Январь. С. 161–176; 1882. Февраль. С. 337–363.
2. Дзагуров Г.А. Предисловие // Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону: Северокавказское краевое издательство «Севкавказ», 1925. С. 1–5.
3. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865 гг.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XIII. Вып. 1. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX века. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1948. С. 24–46.
4. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института имени К.Л. Хетагурова. Т. XVIII. Выпуск историко-филологический. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1949. С. 70–98.
5. Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. V. Серия историческая. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1966. С. 111–131.
6. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.

7. Кумыков Т.Х. Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 15–26.

8. Мамбетов Г.Х. Некоторые вопросы адыгского мухаджирства в буржуазной историографии // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 39–53.

9. Шебзухов М.Х. К вопросу историографии Кавказской войны и махаджирства // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 147–155.

10. Хотко С.Х. Мусульманское духовенство и эмиграционное движение адыгов в XIX веке // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 230–233.

11. Березгов Б.Н. Современное положение северокавказских мухаджиров в странах мира (История их расселения и историко-культурные перспективы) // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 68–85.

12. Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 181–191.

13. Пронштейн А.П., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 123–129.

14. Багов А.Н. Влияние махаджирства на численность и этнический состав адыгского населения // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции 14–19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1993. С. 228–235.

15. Кудаева С.Г., Хут Л.Р. Исторические судьбы адыгских махаджиров на Балканском полуострове // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции 14–19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1993. С. 331–344.

16. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2000. 184 с.

17. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

Бозкурт Угур. E-mail: ugurbozkurt@yuu.edu.tr

Дата поступления: 10.08.2019

Дата принятия к публикации 10.09.2019

**THE PROBLEM OF MUHAJIRUN MOVEMENT FROM RUSSIAN EMPIRE TO
OTTOMAN EMPIRE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

DOI: 10.25629/HC.2019.09.—

Bozkurt Ugur

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the study of the problem of muhajirun movement of the Russian inhabitants of the North Caucasus after the Caucasian war in the Ottoman Empire. The author comes to the conclusion that the focus of attention of Russian historiography has been concentrated predominantly on the muhajirun movement of the third quarter of the 19th century. The article shows how the study of this problem was influenced by the political situation, what problems of the muhajirun movement attracted the attention of historians, and which, on the contrary, were ignored. The author proves the existence of two waves of politicization of the problem. The first wave took place after the end of the Great Patriotic war, and the second wave was in the late 1980s – the first half of the 1990s. The author traces the evolution of research approaches and the dynamics of assessments of the phenomenon of muhajirun movement. The special attention is paid to the latest works of Russian historians. The article deals with the issues that are currently the most interested for the Russian historians. It is concluded what problems of muhajirun movement have not yet received the adequate explanation in Russian historiography.

Keywords: muhajirun movement, the North Caucasus, the Caucasian war, the Ottoman Empire, the Russian historiography.

Bozkurt Ugur. E-mail: ugurbozkurt@yju.edu.tr

Date of receipt 10.08.2019

Date of acceptance 10.09.2019